

та, хотя и был благородной породы и общался с философами, тем не менее считался невеждой среди философов, а философом только среди невежд (ἐκαλεῖτο ἰδιώτης μὲν ἐν φιλοσόφοις, φιλόσοφος δὲ ἐν ἰδιώταις) (Schol. Plat. Tim. 20 a).

На опыте Крития мы постигаем непростую, а лучше сказать – извращенную сущность таких новых явлений в политико-идеологической жизни Греции, как софистика и тирания. Эти явления интересны, но не вызывают симпатии. Представители новой философии по праву заслужили насмешливое прозвище софистов, т.е. не истинных мудрецов, а мудрствующих от лукавого, между тем как трагическое завершение жизни почти всех политиков-суперменов, выступивших на исходе V столетия, подчеркивает реальное банкротство тех, кто на деле пытался реализовать идеалы новой софистической доктрины.

CRITIAS, SON OF CALLAISCHROS, THE ATHENIAN, – A SOPHIST AND A TYRANT

E. D. Frolov

The wide-spread opinion that Critias had split personality, being destructive in politics but creative in literature and philosophy, is not true. Both his political ambitions and his literary activity were deprived of moral principles, and thus both in his words and in his deeds he represented a very integer type of that strong but antisocial personality, that was celebrated so vividly by Callicles in Plato's *Gorgias*.

Critias' case helps us understand a complicated, or rather perverse, essence of such new phenomena in Greek political and ideological life as sophistic and tyranny. Interesting as they are, they cannot win our sympathy. Representatives of the new philosophy deserved their mocking-name of sophists, i.e. not truly wise men, but sly philosophizers. At the same time the tragic finales of almost all «supermen»-politics of the late 5th century reveal the real bankruptcy of those who tried to realize the ideals of the new sophistic doctrine.

© 2003 г.

М. В. Скржинская

НАГРАДЫ ГРАЖДАН АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Греческие колонисты принесли из метрополии в Северное Причерноморье обычай давать награды победителям на атлетических, мусических и конных состязаниях. Древнейшими наградами на таких агонах были венки и треножки, которые, как правило, посвящали богам. Каталоги победителей подобных состязаний найдены в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре¹.

К сожалению, ни в одной надписи не сохранилось сведений о том, каковы были призы на местных агонах. Однако по косвенным данным можно заключить, что в Северном Причерноморье, как и в других областях греческой ойкумены, победителей увенчивали венками и тениями (Хер. Symp. 5, 9) – нарядными повязками, стягивавшими волосы. Четыре широких тении с закругленными краями и с тесемками на концах для завязывания представлены на надгробии херсонесита Феофанта, умершего в молодом возрасте в конце IV в. до н.э. (НЭПХ. № 172). Кроме тений на стеле изображены принадлежности атлета: стригиль, сосуд с маслом для натирания во время упражнений и сетка. Наверное, тении указывают на четыре победы Феофан-

¹ IOSPE I². № 130, 138, 155, 158, 434-436, 584; НЭПХ. № 20, 21, 127; КВН. № 1137.

та, одержанные им на херсонесских, а может быть, и на общегреческих играх². Повидимому, выдающийся боспорский атлет был похоронен в склепе конца IV– начала III в. до н.э. На стене погребальной камеры нарисованы победные венки и нарядные тении³. Художник изобразил их повешенными на гвоздях, вбитых в стену; поэтому можно представить, как подобные призы украшали комнаты в домах победителей.

Археологические находки свидетельствуют о том, что атлеты из Северного Причерноморья завоевывали награды на состязаниях, в которых участвовали эллины из многих городов. На северных берегах Понта найдено более десятка призовых чернофигурных амфор, дававшихся в награду победителям на праздниках Панафиней в Афинах⁴. Частично они попали сюда в результате торгового обмена, но некоторые принадлежали самим победителям⁵, как, например, амфора IV в. до н.э. с изображением бегунов⁶, которая находилась в могиле знатного боспорского воина, похороненного на мысе Ак-Бурун близ Керчи, и была положена туда как ценный предмет, напоминавший о высших достижениях и славе покойного. Херсонеситы участвовали в состязаниях на афинском празднике Анакии, проводившемся в честь Диоскуров. Об этом свидетельствует бронзовая гидрия с надписью «приз из Анакий»⁷. Ваза находилась в погребении IV в. до н.э., а в другом захоронении обнаружен серебряный диск, полученный за победу на каком-то престижном агоне⁸.

Перечисленные призы в виде ценных предметов давались на играх более низкой категории, чем агоны, на которых победителей награждали только венком; таковы были панэллинские Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры⁹. Вероятно, к такой высокой категории принадлежали самые знаменитые в Причерноморье игры на Ахилловом Дроме. В надписи II в. до н.э. говорится, что они установлены согласно пророчеству Пифийского оракула (IOSPE I². № 34). Это дает основание думать, что празднество совершалось по образцу Пифийских игр в Дельфах и относилось к разряду ἰσοπύθιοι, т.е. равных Пифийским. Таких игр было немало в эллинистический период¹⁰. Их проводили один раз в три-четыре года, в программу входили мусические, атлетические и конные состязания, и победителей увенчивали венками.

Венок у греков служил наградой не только за победу на агонах, но и за военные, финансовые, дипломатические и другие услуги государству. Провозглашение о награде венком совершалось на главных государственных праздниках. Например, на Делосе во время Аполлоний прочли декрет в честь херсонесита, которого награждали лавровым венком «за добродетели, благочестие к святилищу и благорасположение к народу» (МИС. № 22).

Золотой венок начиная с классического периода стал во многих греческих государствах распространенной наградой за гражданские и военные доблести. Одно из

² Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. С. 181-183.

³ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914. С. 71. Табл. 26, 27.

⁴ Скржинская М.В. Сведения греков Северного Причерноморья о Панафинейских празднествах // Записки Историко-филологического товарищества Андрия Білецького. Т. 2. Київ, 1998. С. 99-105; Вдовиченко И.И. Panathenaika. Pantikaraion // Археология и история Боспора. Т. 3. Керчь, 1999. С. 239-248.

⁵ Пиотровский А.И. Панафинейская амфора Елисаветинского кургана // ИРАИМК. Т. 3. 1924. С. 104.

⁶ Галанина Л.К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962. С. 15. Рис. 3; Вдовиченко. Ук. соч. С. 242. № 5.

⁷ Гриневиц К.Э. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса // Херсонесский сборник. Т. 1. Севастополь, 1926. С. 23.

⁸ Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872. С. 67-68.

⁹ Шарнина А.Б. Пифийские игры в Дельфах // Mouseion. Сб. ст. проф. А.И. Зайцеву ко дню 70-летия. СПб., 1997. С. 64.

¹⁰ Алмазова Н.А. Agones isopythioi в эллинистическую эпоху // Philologia classica. Вып. 5. Межвузовский сборник. К 100-летию со дня рождения проф. А.И. Доватура. СПб., 1997. С. 42.

наиболее ранних свидетельств об этом записано Фукидидом (IV. 121) и относится к 423 г. до н.э. Народное собрание города Скионы постановило увенчать золотым венком полководца Брасида «как освободителя Эллады». В IV в. до н.э. награды золотым венком в Афинах стали столь распространенными, что не все лауреаты удостоивались провозглашения декрета в наиболее престижных местах: в театре перед представлением трагедий и на Панафинеях (Dem. XVIII. 116, 120). Однако именно там награждали боспорских царей начиная со времени Левкона I, а может быть, и его отца Сатира I (МИС. № 3, 4). Так, в IV–III вв. до н.э. афиняне благодарили боспорян за дружественную политику и постоянные поставки крупных партий хлеба, часть которого привозили в качестве подарков.

Демократические полисы Северного Причерноморья вслед за городами Эллады ввели у себя награды золотыми венками. Об этом сообщают около 30 надписей из Ольвии¹¹, более десятка из Херсонеса¹² и четыре из Тиры¹³. Надписи римского времени количественно преобладают над более ранними. Все декреты об увенчании изданы от имени Совета и народа, и этим объясняется их отсутствие на Боспоре. В боспорских городах такие институты власти либо играли незначительную роль, либо их не было вовсе¹⁴. Цари же не считали нужным отмечать своих подданных подобными наградами, но в первые века нашей эры под влиянием римской моды они иногда награждали иностранцев золотыми венками. На это указывает одна надпись из Ольвии, в которой Боспор назван среди государств, увенчавших Феокла венком (IOSPE I². № 40).

В коллекции надписей из Северного Причерноморья древнейший декрет о награде такого рода найден в Тире, датирующийся рубежом IV–III вв. до н.э.¹⁵ Гражданин, чье имя не сохранилось, «за доблесть и благожелательность по отношению к народу» получил золотой венок на местном празднике; кроме того, было решено, что его, как и прочих благодетелей, следует в течение всей жизни продолжать увенчивать во время праздников. В этой надписи говорится о сравнительно редком случае увенчания не единожды, а многократно. В третьей четверти III в. до н.э. ольвиополиты дали подобную награду Антестерии за его успешную многогранную гражданскую деятельность¹⁶.

Более древний ольвийский декрет о награждении золотым венком издан в честь Каллиника, который способствовал гражданскому примирению, реорганизовал городские финансы и урегулировал вопрос о налогах и долгах (IOSPE I². № 25 + 31). По поводу толкования слов о награде существуют разногласия¹⁷, поэтому на них стоит остановиться подробнее. Декрет заключается словами: *στέφανωθήναι αὐτὸν χρυ-*

¹¹ IOSPE I². № 25, 26, 32, 34, 38–43, 45, 46, 51–53, 57, 61, 94, 107, 198, 279, 305; НО. № 28, 34, 43, 80, 81; *Виноградов Ю.Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ. 1984. № 1. С. 57.

¹² IOSPE I². № 344, 352, 355, 418, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 585; *Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 63.

¹³ IOSPE I². № 2, 4; *Карышковский П.О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4. С. 112; *Фурманская А.И.* Новый эпиграфический памятник из Тиры // СА. 1960. № 4. С. 173–179.

¹⁴ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.–Л., 1949. С. 340; *Шелов-Коведяев Ф.В.* История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 164–167.

¹⁵ *Карышковский.* Материалы... С. 112. № 4. Ольвийский декрет в честь Каллиника часто считается изданным в 20-е годы IV в. до н.э., т.е. он старше надписи из Тиры. Но, на наш взгляд, этот декрет вернее отнести к началу III в. до н.э., о чем речь пойдет ниже.

¹⁶ *Виноградов.* Декрет в честь Антестерия... С. 57.

¹⁷ Декрет полностью издан, датирован 330–320 гг. до н.э., переведен на русский язык и прокомментирован в ст.: *Виноградов Ю.Г., Карышковский П.О.* Каллиник, сын Евксена // ВДИ. 1982. № 4. С. 26–46; 1983. № 1. С. 21–39. Иное толкование декрета и перевод, а также более поздняя датировка предложены в работе: *Яйленко В.П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 268–272.

σοῖς χιλίοις καὶ ἀνδριάντι τὸν δὲ στέφανον ἀναγορευθῆναι τοῖς Διονυσίοις ἐν τῷ θεάτρῳ. Ю.Г. Виноградов и П.О. Карышковский понимали смысл постановления почти так же, как В.В. Латышев: «Пусть он будет награжден тысячей золотых и статуей, а о награждении возвестить на Дионисии в театре». Мне кажется предпочтительней толкование В.П. Яйленко: «Увенчать его (венком) в тысячу золотых, о венке же объявить на (празднике) Дионисий в театре». Ведь глагол *στέφανω* означает в первую очередь «увенчать венком» и только изредка имеет значение «наградить». То же самое можно сказать о слове *στέφανος*: это венки и лишь в редких случаях награда вообще.

На первый взгляд поражает огромная стоимость венка, равная 20 000 аттическим драхмам, в то время как обычная цена дорогого венка в это время составляла 500 или 1000 драхм¹⁸. Вероятно, именно это обстоятельство побудило исследователей искать более редкий смысл указанных глагола и прилагательного. Однако 20 000 драхм получается, если ольвийские золотые приравнять к статерам Александра Македонского или Лисимаха, что и было в действительности во второй половине III в. до н.э. По наблюдению В.П. Яйленко, декрет издан раньше, когда в Ольвии выпускали золотые полудрахмы и тогда 1000 ольвийских золотых соответствовала 500 афинским драхмам. Поэтому цена венка Каллиника не представляла ничего из ряда вон выходящего. Например, в афинском декрете 346 г. до н.э. в честь боспорских царей Спартока II и Перисада I сказано, что их увенчают венками стоимостью по 1000 драхм (МИС. № 3).

В качестве аналогии толкования цены венка Каллиника укажем цитированный Демосфеном (XVIII. 92) декрет из Херсонеса Фракийского. В нем говорится о золотом венке, казалось бы, непомерной стоимости – в 60 талантов, т.е. более 1500 кг золота. Вероятнее всего, здесь имелся в виду расчет по талантам малого веса (он известен из позднейших источников), и в таком случае венок оказывается равен цене немногим более 800 г золота¹⁹. Венки такого веса неоднократно зарегистрированы в сохранившихся инвентарях сокровищниц храмов в Афинах²⁰.

Конечно, Каллиник за свои экстраординарные заслуги получил дорогой, особенно по ольвийским меркам, венок. Немногочисленные надписи с указанием цены венков в Северном Причерноморье сообщают о гораздо более скромных венках. Воина, отдавшего жизнь за родину в III в. до н.э., ольвиополиты увенчали венком в 30 золотых, а жрец Агрот посвятил Афродите венок ценой в пять золотых (НО. № 34, 68). В большинстве надписей стоимость венка не называлась. Зачастую почетное постановление об увенчании золотым венком, особенно в римское время, давало лишь право на этот акт, венок же оплачивали и приносили на церемонию те, кого награждали, или их близкие²¹. Так, ольвиополит Сократ, поставивший за свой счет стелу с декретом о награждении золотым венком умершего брата, скорее всего оплатил и венок²².

Младший современник Антестерия, ольвийский богач Протоген жил во время отчаянно трудного положения Ольвии. Он занимал различные государственные должности, неоднократно оказывал финансовую поддержку городу, давал в голодные годы деньги на закупку хлеба, оплачивал строительство оборонительных сооружений и ремонт государственных кораблей, выкупал отданные архонтами в залог священные храмовые сосуды, отказывался от получения процентов по городским займам (IOSPE I². № 32). Тогда город, не раз издававший декреты об увенчании золотым

¹⁸ *Guarducci M. Epigrafia Greca. T. 2. Roma, 1969. P. 21.*

¹⁹ *Радциг С.И. Примечания к речам Демосфена // Демосфен. Речи. М., 1954. С. 559-560.*

²⁰ *Harris D. The Treasuries of the Parthenon and Erechtheion. Oxf., 1995. P. 115-200.*

²¹ *Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 243.*

²² См. интерпретацию текста надписи: *Сапрыкин С.Ю. К ольвийской надписи IOSPE I², № 38 // ВДИ. 1988. № 1. С. 147-155. Надпись датируется I в. н.э. В то время в Ольвии лишь недавно возобновилась жизнь после гетского разгрома, так что государство могло выразить благодарность декретом, а венок приобретали родственники покойного.*

венком Протогена, вряд ли мог поднести ему награды, сходные по ценности с венком Каллиника.

Особо следует выделить херсонесский декрет второй половины III в. до н.э. в честь Сирика (IOSPE I². № 344). Это единственное в Северном Причерноморье свидетельство о награждении писателя. В первой части своего труда Сирик литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини Херсонеса, а во второй части изложил отношения государства с другими полисами и царями Боспора. Издание почетного декрета от имени народа и увенчание золотым венком позволяют предположить, что Сирик читал свой труд либо в народном собрании, либо в театре. Херсонеситам очень понравилось правдивое изложение истории и патриотическая окраска всего сочинения; они наградили историка золотым венком и изобразили его на фронте декрета в его честь (рис. 1)²³.

Почетная надпись со словами «Народ увенчивает Агасикла, сына Ктесия» была вырезана в III в. до н.э. на мраморном постаменте статуи этого выдающегося гражданина Херсонеса (IOSPE I². № 418). Он удостоился редкой чести – конного памятника. Его пьедестал украшали восемь рельефных венков, внутри каждого из них были перечислены исполненные Агасиклом должности агоранома, жреца, гимнасиарха, стратега, а также выполненные им экстраординарные миссии: проведение границ «виноградной области» Херсонеса, возведение оборонительных стен, устройство военного гарнизона и рынка. Три первые миссии считались наиболее важными, поскольку о них сообщалось на лицевой стороне постамента в двух плющевых и одном лавровом венке, а о четвертой из занимаемых должностей – на боковой стороне в лавровых венках²⁴.

Изображения венков на мраморных стелах в Северном Причерноморье появляются в конце IV в. до н.э.²⁵ К эллинистическому периоду относятся стела с декретом в честь Сирика и постамент статуи Агасикла из Херсонеса и по одной надписи из Ольвии и Тире²⁶, а первыми веками нашей эры датируются две ольвийские и семь херсонесских надписей²⁷. Два очень обобщенно изображенных венка находятся на фронте стелы с декретом в честь трех херсонеситов, удостоенных венков за финансовые услуги Ольвии (НО. № 28). Шесть прекрасно исполненных рельефных

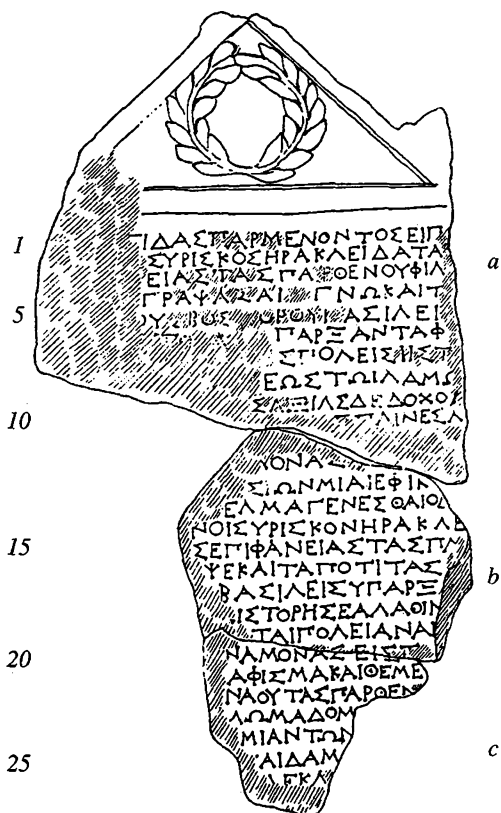

Рис. 1. Херсонесский декрет в честь историка Сирика. III в. до н.э.

²³ Ростовцев М.И. Сирик - историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915. Апрель. С. 151-170; Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 82-84.

²⁴ Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, культура, политика. С. 350-358.

²⁵ Украшение венками почетных надписей встречается на стелах и пьедесталах статуй из многих греческих городов. См. Guarducci. Op. cit. Fig. 1, 3, 193, 198, 204.

²⁶ IOSPE I². № 344, 418; НО. № 28; Фурманская. Ук. соч. С. 174-175.

²⁷ IOSPE I². № 198, 279, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 585.

венков по два в ряд украшали упомянутую выше стелу из Тиры. В среднем ряду реалистически вырезаны лавровые венки, ветви которых сзади перевязаны лентами, а нижний и частично уцелевший верхний ряды состоят из плющевых венков с вплетенными в них цветами и ягодами.

Все более или менее хорошо сохранившиеся надписи с венками римского времени помещены на базах херсонесских и ольвийских статуй (IOSPE I². № 198, 420, 423, 424). На базе ольвийской статуи уцелел только один рельефный венки, а на херсонесских пьедесталах имеются по пять, десять и даже двенадцать венков. Их большое количество не всегда означает, что за каждую должность или деяние, о чем написано в венке, получена награда. Иногда венки играли лишь орнаментальную роль. Например, на постаменте статуи Аристонна, жившего в середине II в. н.э., только в двух из десяти венков сказано, что народ увенчал его венком за исполнение должности жреца и дамиурга (IOSPE I². № 423).

Граждане из полисов Северного Причерноморья получали венки во многих городах как награду. Выше говорилось о таких наградах в Афинах и на Делосе, в III в. до н.э. три херсонесита получили золотые венки в Ольвии (НО. № 28), а не известный по имени уроженец Тиры – в Ольвии, Кизике, Родосе и еще в трех городах, названия которых не уцелели²⁸. Во II в. н.э. ольвиополиту Феоклу вручили венки его соотечественники и еще 18 городов (IOSPE I². № 40): Милет, метрополия Ольвии, ее ближние и дальние соседи – Тира, Херсонес, Боспор, Истрия, Томы, Каллатис, Одесс, Синоп, Гераклея, Амастрия, Тиеон, Византий и несколько малоазиатских городов – Апамея, Кизик, Никомедия, Прусы, Никея. Девять из них увенчали другого ольвиополита, имя которого утрачено (IOSPE I². № 41). Судя по содержанию декрета Феокла, многие государства выражали благодарность гражданам Ольвии за то, что те оказывали гостеприимство у себя на родине и содействовали в разных делах приезжим из этих государств, т.е., говоря современным языком, выполняли функции консулов.

Греки издавали почетные постановления не только в честь живых, но чтити таким образом и умерших. Наиболее обстоятельно о посмертной награде венком сказано в декрете в честь Никерата (IOSPE I². № 34). В первой половине II в. до н.э. он погиб в схватке с врагами, угрожавшими его соотечественникам, которые проводили игры на Ахилловом Дреме. При жизни Никерат не раз успешно сражался с варварами, способствовал безопасности Ольвии, пользовался авторитетом за ее пределами; херсонеситы поставили статую и бюст Никерата за то, что он сумел уладить раздоры между гражданами. По постановлению Совета и Народного собрания Ольвии Никерата после его смерти увенчали золотым венком и решили ежегодно возлагать венки на его конную статую. Это поручалось возгласить глашатаю в Народном собрании и во время конных состязаний на Ахилловом Дреме.

Традиция издавать почетные декреты и увенчивать умерших погребальным золотым венком широко распространилась в Ольвии в римское время (IOSPE I². № 38, 40, 51, 52, 61)²⁹. Тогда же наряду с такими выдающимися гражданами, как Феокл, этой почести удостоивались некоторые лица из конъюнктурных соображений, например Дад, который умер «отроком, подававшим добрые надежды» (IOSPE I². № 52). Вероятно, за постановление увенчать его золотым венком ольвиополиты надеялись получить какие-то милости от богатого и влиятельного Тумбага, отца Дада³⁰.

Статуя (ἄνδρις) и *изображение* (εἰκών)³¹, поставленные в качестве награды лицам в основном за их гражданскую деятельность, появились в Северном Причерноморье в эпоху раннего эллинизма и существовали, по крайней мере, до III в. н.э. В Ти-

²⁸ Фурманская. Ук. соч. С. 173-179.

²⁹ Из сохранившихся в Северном Причерноморье подобных надписей только одна происходит из Тиры (IOSPE I². № 2), а все остальные из Ольвии.

³⁰ Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1887. С. 249.

³¹ Оба слова в греческом языке могут означать статую, поэтому в русских переводах надписей не делалось различий между этими словами. Однако, как будет показано ниже, в северопричерноморских надписях эти слова подразумевают разные виды наград.

ре, Ольвии и Херсонесе статуи и изображения устанавливали по постановлению Народного собрания или Совета. Цари Боспора, насколько сейчас известно, не отмечали подобным образом заслуги своих подданных, хотя сами были не против, чтобы их самих так прославляли у себя на родине и за ее пределами³². Древнейшее письменное свидетельство о награждении воздвижением статуи граждан Северного Причерноморья относится именно к боспорскому царю Перисаду I и его родственникам (Dein. I. 43).

Начиная с классического периода воздвигнутая при жизни или посмертно статуя была одной из наивысших наград у эллинов. Граждане городов Северного Причерноморья удостаивались такой почести у себя на родине и в других государствах.

В надписях из Ольвии, Херсонеса и Тире редко говорится о материале статуи; в тех же случаях, когда он упомянут, речь идет о «медной статуе» (IOSPE I². № 31, 355). Сохранившиеся постаменты конных и других почетных статуй также свидетельствуют о бронзовых скульптурах³³. Многочисленные находки мраморных изваяний во всех северопричерноморских государствах не исключают возможности предположить, что какие-то почетные статуи могли быть каменными. По надписям различается два типа подобных наград: статуя и изображение. Как явствует из декрета Никерата (IOSPE I². № 34), статуя отличалась от изображения и была наградой более высокого ранга. Надпись гласит, что херсонеситы почтили этого ольвиополита постановкой статуи (ἀνδριάντος ἀνάστασις) и посвящением изображения (εἰκόνας ἀνάθεσις). Из найденной в Тире надписи римского времени явствует, что изображение чествуемого лица решено исполнить в виде позолоченного рельефа; в копии декрета византийцев в честь ольвиополита Оронта говорится о позолоченном, а в двух херсонесских надписях – о медных изображениях (IOSPE I². № 2, 79, 423, 424). Поэтому можно предположить, что εἰκών – это скульптурное изображение, скорее всего погрудное, выполненное в рельефе из металла или камня и по размеру меньшее, чем статуя. Такие изображения неоднократно упоминаются в почетных декретах Тире, Ольвии и Херсонеса (IOSPE I². № 2, 34, 40, 67, 325, 355, 423, 424; НО. № 28). В римское время εἰκών ἔνοπλος соответствовало латинскому *imago clipeata*³⁴, означавшему изображение на щитообразной выпуклости. Поэтому В.В. Латышев переводил ольвийские награды такого рода как изображение на щите (IOSPE I². № 40, 42). Все же полной уверенности, что это было именно так, а не имелось в виду первоначальное значение – изображение в полном вооружении, как, например, в херсонесском декрете Диофанта, где речь идет о статуе полководца в полном вооружении, – нет (IOSPE I². №352).

Наиболее почетной и редкой была конная статуя. Ее, как уже упоминалось, посмертно удостоился ольвиополит Никерат. Следы ног коня сохранились на двух мраморных постаментах с вырезанными на них почетными надписями³⁵. В конце IV в. до н.э. ольвиополиты поставили на о-ве Левке такой памятник своему соотечественнику (его имя не сохранилось) за то, что он освободил от пиратов находившийся под протекторатом Ольвии священный остров со знаменитым во всей Элладе храмом Ахилла (IOSPE I². № 325). В III в. до н.э. херсонеситы почтили конной статуей Агасикла, исполнявшего много государственных должностей и важных единовременных поручений (IOSPE I². № 418).

Следующей наградой по значимости после конной была статуя во весь рост. От некоторых статуй сохранились следы ступней на постаментах. Ольвиополиты отме-

³² См., например, о мраморном торсе стоявшей в Пантикапее статуи одного из Спартокидов (*Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 89. Рис. 27) и надписи на пьедесталах статуй Митридата, Аспурга и Рескупоридов (КБН. № 40, 54, 59); *Трейстер М.Ю.* Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй Северного Причерноморья // ХС. 1999. Вып. 10. С. 121-158. № 1, 3, 6, 22-24, 26, 28), афинский декрет в честь Спартока III (МИС. № 4).

³³ *Трейстер.* Ук. соч. С. 121-158. № 1, 3, 6, 22-24, 26, 28.

³⁴ *Liddle G., Scott K.* A Greek-English Lexicon. Oxf., 1968. P. 571.

³⁵ *Трейстер.* Ук. соч. № 1, 17.

тили такой наградой упомянутого выше Каллиника, а граждане Тире – Автокла, снарядившего военную экспедицию, вероятно, во время похода Зопириона³⁶. В середине II в. н.э. в Херсонесе поставили статую Аристоня за образцовое исполнение государственных должностей и успешное выполнение поручений города во время посольств к императору Антонину Пию и боспорскому царю Реметалку (IOSPE I². № 423). Из серии подобных надписей в Северном Причерноморье только в ней указано имя скульптора Кефисодота, изваявшего статую³⁷. Самое позднее свидетельство о постановке статуи относится к III в. н.э.: это надпись на мраморном пьедестале памятника херсонесскому гражданину Демократу, который неоднократно за свой счет ездил послом к римским императорам, исполнял различные общественные обязанности и был прекрасным оратором (IOSPE I². № 425).

В Ольвии и Херсонесе, как и в любом греческом городе, стояли статуи и изображения соотечественников и иностранцев. К последним, например, относились херсонесские статуи уроженца Синопя полководца Диофанта и ольвиополита Никерата, а также ольвийские изображения херсонесита Аполлония и его сыновей³⁸. В первые века нашей эры Народное собрание Херсонеса неоднократно награждало воздвижением статуй римских легатов (IOSPE I². № 421, 422).

Статуи и изображения ольвиополитов, херсонеситов и боспорян украшали многие города Причерноморья и Эллады. Из них уцелел лишь один поврежденный рельеф с фигурами боспорских царей Спартока II, Перисада I и их брата Аполлония³⁹. Мраморная стела с венчающим ее рельефом и текстом декрета 346 г. до н.э. найдена в Пирее (МИС. № 3). Об остальных памятниках известно по письменным и эпиграфическим источникам. Оратор Динарх (I. 43) рассказал о предложении Демосфена поставить статуи Перисада I и двух его родственников на Афинской агоре. В почетном декрете царя Спартока III, изданном в 288 г. до н.э., говорится о решении увековечить его статуями на Афинской агоре и на Акрополе (МИС. № 4). Там же в I в. до н.э. стояла статуя понтийской царицы Пифодориды (МИС. № 42). Во II в. до н.э. на о-ве Тенедосе находилось бронзовое изображение ольвиополита Посидея⁴⁰, а в I в. н.э. в Византии – позолоченное изображение гражданина Ольвии Оронта (IOSPE I². № 78, 79). Следы ног на уцелевших постаментах дают возможность представить величину фигур: она в большинстве случаев приближалась к росту человека. Многие бронзовые статуи имели глаза в виде вставок из кости или из камня. Их находки в Ольвии и Пантикапее также близки к натуральным размерам человеческих глазных яблок и зрачков⁴¹.

В городах Северного Причерноморья, как и в других греческих государствах, почетные статуи помещали на видных местах центральной площади и у главных святилищ. В декрете Диофанта сказано, что его статую следует поставить на акрополе Херсонеса возле алтарей Девы и Херсонаса, а в декрете в честь херсонеситов упомянуты их изображения в ольвийском святилище Аполлона. Иногда место предлагалось выбрать родственникам, как в случае со статуей Никерата, или памятник помещали в местах, связанных с деятельностью человека; например, изображение Феокла украшало отстроенный им ольвийский гимнасий (IOSPE I². № 40).

³⁶ Vinogradov Ju. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985-1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. V.1. 1994. P. 72. Not. 13; *Трейстер*. Ук. соч. № 3.

³⁷ Соломоник Э.И. Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 43.

³⁸ Полное восстановление и перевод ольвийского декрета см. в кн.: *Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 215-217. Не ясно, почему одно и то же слово εἰκόνη дважды переведено как «статуя» и дважды как «изображение»; тот же разницей и в переводе в своде надписей Ольвии (НО. № 28, 29).

³⁹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 67-68. Рис. 5; *Petrakos B.* National Museum. Athens, 1998. № 82.

⁴⁰ О том, что Посидей был гражданином Ольвии, см. *Виноградов*. Политическая история... С. 242.

⁴¹ *Трейстер*. Ук. соч. С. 127.

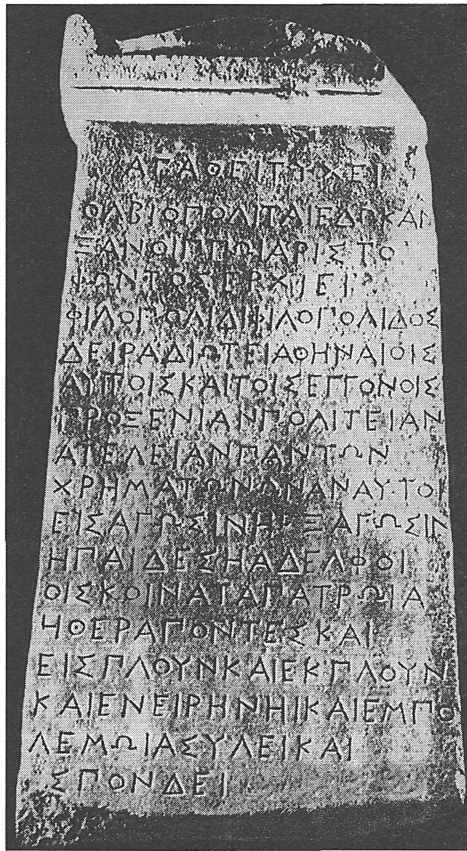

Рис. 2. Ольвийская проксения афинянам Ксантиппу и Филополиду. IV в. до н.э.

Мраморные стелы с вырезанными на них почетными декретами наряду со статуями и изображениями служили наградными памятниками (рис. 2). В заключительной части декретов часто говорится, что его текст следует вырезать на белокаменной стеле и установить в определенном месте, обычно там же, где находились статуи. В эллинистический период такое почетное пространство для стел в Ольвии было отведено у храма Аполлона (НО. № 29, 35, 36), а в Херсонесе – у храма и алтаря Девы (IOSPE I². № 344; НЭПХ. № 2), т.е. на теменосах верховных богов государства. Есть одно упоминание о постановке стелы в помещении ольвийской коллегии Семи⁴², а в римское время – в ольвийском святилище Зевса (НО. № 45) и в херсонесском святилище Асклепия (IOSPE I². № 376). В большинстве же надписей рекомендуется установить декрет на акрополе Херсонеса⁴³, а в Ольвии – на самом видном и почетном месте города (IOSPE I². № 40; НО. № 49).

Проксенни начертаны на большей части стел с почетными декретами, стоявшими в городах Северного Причерноморья. У греков проксенни были одной из самых распространенных наград иностранцам за выдающиеся торговые, финансовые, дипломатические и некоторые другие услуги государству. Проксен в дружественном городе пользовался определенными льготами, а у себя на родине оказывал поддержку и помощь приезжим из этого города, так что его функции были близки к деятельнос-

⁴² Виноградов. Декрет в честь Антестерия... С. 57.

⁴³ IOSPE I². № 354, 357, 358, 360, 364, 368, 382; НЭПХ. № 112, 121.

Рис. 3. Ольвийская проксения орхоменцу Аристандру

ти консулов нового времени⁴⁴. Сравнение текстов проксений разных полисов показывает, что их составляли по строго определенным формулам, которые незначительно изменялись на протяжении многих веков. В римский период проксении постепенно утрачивали первоначальное значение и часто превращались в почетные титулы⁴⁵. Обычно льготы, предоставлявшиеся проксениями, включали освобождение от налогов на ввозимые и вывозимые товары, а также освобождение от уплаты гаванных сборов. Часто проксен получал еще гражданство, уравнивавшее его во всех правах с полноправными жителями дружественного города. Иногда льготы распространялись на братьев и сыновей проксена, а торговыми преимуществами могли по его поручению пользоваться слуги⁴⁶.

От имени народа и Совета ольвиополиты и херсонеситы предоставляли проксении купцам и лицам, исполнявшим различные дипломатические поручения (рис. 3), причем обе деятельности в античности зачастую совмещали одни и те же люди. Они приезжали в Северное Причерноморье с берегов Понта, из Эллады и Малой Азии⁴⁷. На Боспоре проксении предоставлялись от имени царя и значительно реже, чем в Ольвии и Херсонесе (КБН. № 1–5)⁴⁸. Древнейшая проксения в Северном Причерноморье найдена в Ольвии; это декрет в честь Иатрокла, гражданина Синопы, второй половины V в. до н.э. (НО. № 1). Проксении продолжали давать вплоть до поздне-римского времени; последние из уцелевших херсонесских проксений датируются III в. (НЭПХ. № 114).

Вероятно, граждане городов Северного Причерноморья получали проксении во многих греческих государствах, но определенных сведений об этом сохранилось не очень много. В III в. до н.э. ольвиополит, имя которого не сохранилось, получил проксению в Херсонесе (IOSPE I². № 345). В свою очередь в Ольвии проксений удос-

⁴⁴ Тюменев А.И. Херсонесские проксении // ВДИ. 1938. № 4. С. 14.

⁴⁵ Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. С. 31; Klaffenbach G. Griechische Epigraphik. Göttingen, 1957. S. 81.

⁴⁶ Характерные образцы проксений из разных греческих городов см. Guarducci. Op. cit. P. 28–33.

⁴⁷ IOSPE I². № 20, 21, 23, 26–28, 30, 227, 340, 349, 356–359, 364, 365, 376, 380, 382, 697; НО. № 1–27, 45; НЭПХ. № 6, 7, 110.

⁴⁸ См. также Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 57–72.

тоились херсонеситы Пирралий в IV в. до н.э., а столетием позже – Дионисий (НО. № 3, 26). Декреты II в. до н.э. свидетельствуют о проксениях, данных в Томах для гражданина Тиры Нила и в Оропе для не известного по имени херсонесита (МИС. № 8 и № 2 в дополнении); там же столетием позже его соотечественник получил проксению (МИС. № 9). В I в. н.э. ольвиополит Оронт стал проксеном Византия (IOSPE I². № 79), а во II в. н.э. некий херсонесит – в Тие, небольшом городе на южном берегу Понта (НЭПХ. № 13).

В особую группу следует выделить награждение проксенией в Дельфах и на Делосе. Там находились прославленные во всей греческой ойкумене святилища Аполлона, которые особенно во время праздников посещало множество паломников. О датах начала торжеств возвещали специальные посольства феоров, отправлявшиеся в разные города, чтобы все знали, когда прибыть в Дельфы на Пифийские игры и на Аполлонии на Делос. За оказание гостеприимства феорам и, вероятно, другие услуги Дельфы даровали проксению и целую серию привилегий херсонеситу Сокрыту, ольвиополиту Дионисию и боспорянину Главкону. Наряду с правами не платить налоги при торговых операциях им разрешалось вне очереди вопрошать дельфийский оракул и решать в суде свои спорные дела, а также пользоваться неприкосновенностью и проэдрией, т.е. сидеть на первых местах в театре и на стадионе (Syll³. № 585; МИС. № 12). Позже, в 192 г. до н.э. сходных привилегий удостоились послы херсонеситов Формион и Гераклид, а также херсонесит Гимн и пантикапеец Формион (Syll³. № 281; МИС. №13, 14). На Делосе в III в. до н.э. проксенией были награждены пантикапеец Койран, а во II в. до н.э. ольвиополиты Дионисий и Посидей (МИС. № 21, 23, 24).

Проэдрия, распространенная награда у греков, давала право занимать почетные первые кресла в театрах, на стадионах и в других общественных местах. Упомянутые выше херсонеситы, ольвиополиты и боспоряне удостоились проэдриии в Дельфах и на Делосе (МИС. № 12, 21), причем в делосской надписи подчеркнуто, что подобные места им можно занять во время состязаний, т.е. на праздничных мусических и атлетических агонах. Предоставление проэдриии существовало в Ольвии, по крайней мере, с IV в. до н.э. К этому времени относится декрет об исполитии ольвиополитов и милетян (Syll³. № 286; МИС. № 35), в котором отмечено, что милетяне могут воспользоваться правом проэдриии в Ольвии, а ольвиополиты, в свою очередь, в Милете. В ольвийской проксении, близкой по времени декрету об исполитии, гражданин Истрии наряду с обычными для Ольвии льготами проксена получил также проэдрию (НО. №7). Такими, к сожалению, скудными свидетельствами подтверждается институт проэдриии в Северном Причерноморье как один из видов наград.

Угощение. Некоторые из награжденных приглашались на прием с угощением за общественный счет. В Северном Причерноморье известно об этом только в Ольвии. В эллинистический период приемы проходили у жреца Аполлона, главного бога – покровителя государства, и устраивались, вероятно, в каком-то помещении на его теменосе около агоры. О таких приемах сообщается в трех надписях (НО. № 29, 35, 36), но только в одной сохранились имена чествуемых подобным образом: это херсонеситы Аполлотор, Аполлоний и Евфрон, награжденные золотыми венками за крупные финансовые услуги государству. Наверное, ольвиополиты дали по этому случаю грандиозный пир, – известно, что для его организации привлекли троих граждан⁴⁹. В Афинах подобные приемы проходили в пританее. В 346 г. до н.э. там было устроено угощение в честь боспорских послов Сосия и Феодосия, сообщивших, что вступившие на престол цари Спарток II и Перисад I будут по отношению к Афинам проводить такую же дружественную политику, как их предшественники (IG I². № 212; МИС. № 3).

⁴⁹ Виноградов. Политическая история... С. 217–218.

В текстах почетных надписей, кроме упоминаний о материальных наградах, часто выражалась *похвала*⁵⁰ за деяния чествуемого лица. Об этом можно прочесть в декретах Каллиника, Антестерия и во многих проксениях. Вслед за похвалой следовало название одной или нескольких наград. Получение награды становилось важным событием в жизни любого гражданина. Этот акт совершался в торжественной обстановке и имел в глазах эллинов большое политическое и воспитательное значение (Dem. XVIII. 120). Оно ясно выражено в заключительных словах декретов Каллиника и Никерата (IOSPE I². № 25, 34). В первом утверждалось, что, подобно Каллинику, «каждый получит от народа почести и награду, достойную благодеяний», а во втором говорилось, что почести, оказанные Никерату, должны побудить граждан быть «более ревностными к услугам отечеству, видя, как благодетели украшаются надлежащими почестями».

Глашатаи возвещали о наградах в Народном собрании и на наиболее многолюдных праздниках. Само провозглашение в присутствии большинства граждан считалось высокой честью. Недаром оратор Эскин (III. 32) оспаривал не только возможность наградить Демосфена золотым венком, но и отрицал право провозгласить об этом в театре, а херсонеситы в надписи на постаменте статуи Демократа отметили, что город удостоил его «вечным провозглашением» (IOSPE I². № 425). По надписям из Северного Причерноморья известно, где объявляли о наградах. Глашатаи читал почетные декреты во время Дионисий в ольвийском и херсонесском театрах (IOSPE I². № 25, 344; НО. № 28), в Народном собрании (IOSPE I². № 34; НО. № 28, 34), на праздновании Парфений в Херсонесе (IOSPE I². № 352), во время конных ристаний на Ахилловом Дроме (IOSPE I². № 34), на празднествах, сопровождавшихся агонами в Тире⁵¹. О проведении торжественной церемонии должны были заботиться организаторы празднеств – агонифеты⁵².

Итак, мы рассмотрели разнообразные награды, которые получали граждане античных городов Северного Причерноморья за услуги, оказанные государству в мирное и военное время, а также за победы на агонах, сопровождавших многие праздники. Совокупность эпиграфических, письменных и материальных источников, охватывающих период с V в. до н.э. по III в. н.э., показывает, что многие эллины, жившие на северных берегах Понта, удостаивались различных наград как у себя на родине, так и в других государствах.

В Тире, Ольвии и Херсонесе существовала система наград, сходная с той, которая была в Афинах и других городах⁵³. Таковыми были похвала деятельности гражданина, увековечивание его статуей или рельефом, постанова на видном месте города белокаменной стелы с вырезанным на ней почетным декретом, увенчание золотым венком, предоставление прозрений, приглашение на общественное угощение, проксения для иностранцев с предоставлением прав и льгот. Начиная с IV в. до н.э. и до заката античности эти награды почти не изменились. В римское время к нему добавились некоторые титулы, например, «отец отечества» или «отец города» в Ольвии (IOSPE I². № 42, 46, 174). Он соответствовал латинскому *pater patriae*; это было очень высокое и почетное звание (в надписях его ставили всегда на первое место), но сейчас нельзя определенно сказать, за что его давали в условиях небольшого города на краю ойкумены.

На Боспоре известно лишь о небольшом количестве проксений и наградах на атлетических состязаниях, всегда сопровождавшихся призами для победителей. В то же время боспоряне получали в других городах разнообразные награды, которых не удостаивались на родине.

⁵⁰ В перечне наград, упоминаемых в греческих надписях, М. Гвардуччи выделяют похвалу первым пунктом, потому что она всегда предшествует сообщению о прочих наградах (*Guarducci. Op. cit.* P. 20).

⁵¹ Карышковский. Материалы... С. 112.

⁵² Там же.

⁵³ Ср. перечень наград: *Guarducci. Op. cit.* P. 20.

The article is devoted to various prizes received by citizens of ancient North Pontic cities for civil and war merits, as well as for the competitions held during festivities. The author bases her analysis upon epigraphic evidence, some passages from ancient writers and depictions on stelae, pedestals and painted burial vaults. The sum evidence of these sources from the 5th century BC to the 3rd century AD shows that citizens of ancient North Pontic cities received all kinds of prizes both at home and in many other cities.

At the competitions the winners were crowned with wreaths and bands (*tainiai*) and were awarded costly gifts, including Panathenaean amphoras, a bronze hydria (won at the Athenian festival of Anakeia) and a silver discus. In Olbia, Chersonesus and Tyra there was a system of civil prizes, similar to that of Athens and other cities. These prizes included: a praise of the citizen's activity, a statue or a relief commemorating him, a stele erected in his name in a public place and bearing the decree of honour, a golden crown, the right of proedria granted to the person, an invitation to public regaling and *proxeniai* granting special rights and prerogatives to foreign citizens. As far as Bosphorus is concerned, one can firmly attest only a few *proxeniai* and some prizes for local athletic competitions.

© 2003 г.

И. С. Свенцицкая

«ПАМЯТИ РАДИ»: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ ГРЕКОВ К СМЕРТИ И ПОГРЕБАЛЬНЫМ ОБРЯДАМ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКО-РИМСКОЕ ВРЕМЯ

Восприятие смерти как перехода в загробный мир, стремление обеспечить предкам существование в этом «другом» мире особыми обрядами свойственно всем древним народам; обряды эти, в том числе и в Греции, существовали на протяжении многих веков. И все же при всем консерватизме религиозного сознания можно проследить изменения если не в самих обрядах, то в отношении к ним древних греков, прежде всего, начиная с IV века.

Древние эллины воспринимали смерть как неизбежность, срок которой определен судьбой. В период расцвета полисов классического времени достойная гражданина, к тому же легкая, смерть почиталась благом – Солон у Геродота (I. 31–32) среди самых счастливых людей называет сначала Телла, погибшего, доблестно сражаясь за свой город, а затем двух братьев, которые впряглись в повозку, чтобы отвезти свою мать, жрицу Геры, на священное празднество, а когда мать попросила богиню вознаградить сыновей, та послала им тут же легкую смерть во сне. Ранняя смерть, если человек успел совершить что-то заслуживающее уважения, не казалась страшной – страшным было одиночество в старости, недаром у Софокла царь Креонт, виновный в гибели Антигоны, теряет своих близких, сам же остается в живых; у Еврипида Медея убивает не неверного мужа, а детей. Герой трагедии Еврипида «Алкеста» говорит об умершей жене: «Почившая счастливей, чем муж ее. Что солнце? Что Аид? Уж никогда и никакое горе Алкесты не коснется: от забот свободная, она приемлет славу великую»¹; для женщины эта «великая слава» заключалась в служении своей семье: в основе сюжета трагедии – миф о том, что Алкеста добровольно согласилась принять смерть вместо мужа, в то время как старый отец его не согласился заместить сына.

¹ Цитаты из «Алкесты» даны в переводе Иннокентия Анненского (*Еврипид. Трагедии*. Т. I. М., 1969).